

не думая о развитии своих личностных качествах, развитии творческого потенциала. Они стремятся быть похожими на кого-то, при этом забывая о том, чтобы быть самими собой. Например, делают пластику лица, пластику фигуры, вместо того, чтобы быть уникальными, нестандартными и интересными такими, какие они есть. Большинство стремится заработать больше денег, при этом не всегда заботясь о своём духовном развитии.

Современные люди практически не читают произведения, которые позволяют поразмышлять о прошлом, настоящем, будущем, которые помогают найти себя. Многие ученики и студенты читают краткое содержание произведений, вместо того, чтобы углубиться в суть и поразмышлять: «Люди счастливы; они получают всё, чего хотят, и не способны хотеть того, чего получить не могут. Они живут в достатке, в безопасности; не знают болезней, не боятся смерти; блаженно не ведают страсти и старости; им не отравляют жизнь отцы с матерями; нет у них ни жен, ни детей, ни любовей...» [1, с. 241].

Мир, который описан в произведении, осуждает слова «мать» и «отец». Считается, что они мешают, отравляют вам жизнь. В действительности, родители нужны для того, чтобы подготовить своего ребенка к жизни, включая все трудности. Родители помогают ребенку развиваться в обществе, помогают определить, что хорошо, а что плохо. В «дивном новом мире» все это запрограммировано еще с рождения. Люди ничего не боятся, не стремятся к развитию, «эпсилон» не хотят стать «альфами» и т.д.

Однако, это нормально, когда люди совершают ошибки, пытаются преодолеть трудности. Это помогает развиваться, учит правильно мыслить, а потом и идти дальше, на встречу своим целям.

При этом самое страшное, что люди, которые не стремятся к одинаковости, считаются неординарными личностями, особенными. Пугает тот факт, что, стремясь подчеркнуть свою индивидуальность, люди сталкиваются с критикой со стороны «одинакового» общества. С такой критикой и непониманием столкнулся Дикарь в произведении Хаксли «О дивный новый мир». Он пытался понравиться Линайне, а она рассматривала его как очередного партнера для «mutual use» (взаимопользования) [2]. Так, Дикарь цитирует девушке Шекспира, а в ответ его не понимают, просят «говорить по-человечески»: «На развяжи девичьего узла до совершения святых обрядов во всей торжественной их полноте» [1, с. 211].

**Заключение.** Антиутопическое отображение действительности О. Хаксли в романе «О дивный новый мир» имеет в большей части личностный, нравственный аспект, призывает нас задуматься о своей индивидуальности и неповторимости. Более того, произведение призывает нас поразмышлять о том, нужно ли строить базовые понятия под копирку, ориентируясь на массовое сознание, или стоит выбрать индивидуальный вектор развития. Автор убежден: не стоит бояться трудностей на пути к личностному развитию, поскольку стремления к утопической однотипности провоцирует развитие чуждой антагонистической реальности – дистопии.

1. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли. – Москва: издательство АСТ, 2020. – 284 с.
2. Huxley A. Brave New World [Electronic resource] / A. Huxley. - Access mode: <https://madbook.org/preview?book=93>. - Date of access: 07.09.2020.

## CATEGORY OF OFFENSIVENESS IN THE LEGAL ASPECT

*Pavlovets M.K.,*

*2nd year student of Vitebsk Branch of International University «MITSO», Vitebsk, Belarus  
Research advisor – Lavitski A.A., PhD (Philology), assistant professor*

Legislation regulating speech acts are an integral part of legal culture of a nation in general and of an individual in particular. In their broadest sense its restrictions are defined by two kinds of taboo: for the type of the context of the discourse and for the content of the speech product. In the former case legislation defines certain restrictions concerning the interaction environment or the addressant/addressee (for example, government employees are not advised to take action on anonymous messages or the personnel of state security bodies cannot use open

communication channels, etc.). The purpose of the study is to determine the linguistic and legal parameters of insult in British, Belarusian and Russian law.

**Material and methods.** The research material was the legal acts of Britain, Belarus and Russia. The methodology of the work included methods of parametrization and comparative analysis.

**Results and its discussion.** To determine the kind of restriction and its qualitative characteristics in recognizing an act of speech as abusive we should refer to legal interpretations of the concept. The Belarusian and Russian legislation systems define verbal abuse as «intentional humiliation or degradation of the dignity of another person expressed in an abusive way» (the Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus, art. 9.3) the Code of Administrative Offences of the Republic of Belarus, 2019)) and «humiliation or degradation of the dignity of another person expressed in an abusive way» (the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, art. 5.61) (the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, 2019)). Thus, to define a speech act as an abuse both legislation systems use the parameters of attributiveness and non-normativity. These parameters are clearly explained by modern linguistic expertology (attributiveness – an act of denouncing another person by diminishing their status with regard to the abuser, non-normativity – words labeled in dictionaries as «vulgar», «offensive», «slang» or included in dictionaries of vulgar and obscene language [1, p. 98]. The Belarusian concept of verbal abuse also includes the parameter of intent, which lawyers describe as a person's awareness of the possibility or inevitability and desire for the negative consequences of their illegal actions», though in modern linguistic expertology it does not have a generally accepted definition and is, therefore, often interpreted similarly to factuality, i.e. to performance of an utterance as a statement of fact (facts). We believe that this situation occurs due to the pragmatic nature of speech, when the locutionary power of a statement can be treated as an intent, desire or suggestion to do or to commit something».

Another issue to consider is the problem of defining certain vocabulary as non-normative since it can include slang, jargon or colloquial words. Such words are quite rare in the public media, however, they do not always carry negative meaning and may serve as a language code within a particular social, age, territorial or gender in-group. Sub-neutral words raise disapproval when used in public places but their use cannot be legally prosecuted as their communicative purposes are outside the normative regulation. Moreover, researchers often argue on such evaluation criteria for stylistically colored vocabulary as 1) its boundaries and volume (opposition of literary / non-literary, coded / non-coded); 2) correlation of functional and expressive aspects of stylistic coloring; 3) character and type of stylistic coloring; 4) correlation of positive / negative evaluation for printed and spoken speech.

Abuse as a kind of speech act liable for legal prosecution has been included into the areas of concern of the British linguistic expertology, unlike the USA, the legislation of which does not make provisions for criminal or civil responsibility for verbal insults. The judicial system of the United Kingdom, admittedly complicated, has a number of acts that define the attitude of law to verbal abuse. The Public Order Act, 1987, has at least four articles, violation of which can be interpreted as abusive verbal behaviour: 4A “Intentional harassment, alarm or distress”, 5 “Harassment, alarm or distress”, 18 (part 3) “Racial Hatred”, 29B “Hatred against persons expressed on religious grounds or grounds of sexual orientation”.

However, these Acts do not give a clear-cut definition of insulting communicative aggression: “A person is guilty of an offence if he – (a) uses ..... abusive words or behaviour, ....(b) displays any writing, sign or other visible representation which is threatening or abusive, within the hearing or sight of a person likely to be caused harassment ....”.

In Britain, offences of this kind are tried in special tribunals which often need linguistic expertise on disputable texts. In their current practice linguistic experts examine two parameters: 1) attributiveness, i.e. presence of non-normative or negatively-colored words intended to insult a person and 2) context, which examines extra-linguistic factors that characterize language behaviour (manner of communication; pitch and tone of voice; situation in which the disputable words occurred; emotional content; body language; institutional component; peculiarities of the personality of the person affected [2, p. 109]. The first parameter is obligatory. The

second is measured quantitatively (for example, the context in which disputable words were used is measured as follows: domestic (in a dwelling) – 0 points, outside a dwelling – 1 point, in a public place – 2 points; the score for the body language is: no gestures – 0 points, gestures, though present, are not aggressive – 1 point, aggressive gestures – 2 points, etc.), and its total can reach 14 points (the parameter of extra-linguistic factors is considered completed when the total of its points reaches 7).

The visual display of parameterization of abusive speech in the studied linguo-legal discourses (see Table) shows that approaches to determine this phenomenon have both cross-cultural and nationally distinct features.

Table – Parameterization of abusive speech acts in the Belarusian, British and Russian national linguo-legal discourses.

Parameter	Country	Belarus	Britain	Russia
Attributiveness		X	X	X
Non-normativity		X	-	X
Intent		X	-	-
Context		-	X	-

**Conclusion.** The shared parameter defining verbal abuse is attributiveness, which is used as an indicator that a speech act contains words intended to humiliate a person. The nationally distinct parameter of detecting verbal abuse is practiced in the British linguo-legal system, which takes into account extra-linguistic peculiarities of the communication (pitch and tone of voice of the abuser; emotional content; body language; institutional component; peculiarities of the personality of the person affected). In some countries the locutionary power of a statement (Belarus) and the use of taboo words (Belarus, Russia) are considered to be important.

1. Осадчий, М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М.А. Осадчий. – М.: Книжный дом «Либроком», 2015. – 256 с.

2. Newman, Ch. Section 5 of the Public Order Act 1986: The Threshold of Extreme Protes / Ch. Newman // The Journal of Criminal Law, 2012. – P. 105–116.

## АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ ЭДЫЧНАЙ ПАЭЗІІ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

**Папакуль Я.А.,**

*канд. філал. навук, дацэнт УА “ПДУ”, г. Полацк, Рэспубліка Беларусь*

На сённяшні дзень беларуская мова з’яўляецца адзінай з усходнеславянскіх, на якую адсутнічае пераклад “Паэтычнай Эды” – шэдэўра старажытнаскандынаўскай літаратуры. Такім чынам, актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю выпрацаваць абгрунтаваны падыход да перакладу твораў старажытнаісландскай літаратуры на беларускую мову. Мэта даследавання – раскрыццё спецыфікі і складанасцяў, з якімі сутыкаецца перакладчык пры перакладзе эдычнай паэзіі.

**Матэрыял і метады.** Матэрыялам выступае зборнік “Паэтычная Эда” на старажытнаісландскай мове. У даследаванні выкарыстоўваецца метады лінгвістычнага і мастацкага аналізу.

**Вынікі і іх абмеркаванне.** Пры перакладзе эдычнай паэзіі на беларускую мову з самага пачатку можа паўстаць досыць неадназначнае пытанне: як менавіта называць зборнік, што змяшчае знакамітыя “Песні пра багоў” і “Песні пра герояў”. На гэтае пытанне існуе, як мінімум, тры розныя адказы.

На постасавецкай прасторы гэтая кніга часцей вядомая як “Старэйшая Эда” [1], у той жа час праца, напісаная Сноры Стурлусанам – “Малодшая Эда” [2]. Такія назвы грунтуюцца на прыблізным датаванні зборнікаў, што наўрад ці можна выкарыстаць для часовай дыферэнцыяцыі асобных твораў і сюжэтаў і, адпаведна, як аснову для наймення ўсяго зборніка.